Грешник

"Это неправедно", - сказал пастор Кэл Стерлинг, поправляя голубой галстук, который он любил носить с дорогим серым костюмом с вытканной вручную подкладкой. "Я понимаю, что мальчик привыкает к новому городу, новой семье..."

"Называй его Бобби, Кэл", - мягко, но настойчиво предупредила его жена Ванесса. Она была на семь лет моложе его: 35 лет против 42, и, несмотря на седину на висках, она была так же привлекательна, как и тогда, когда они только поженились. Кэл часто шутил, что брак с такой прекрасной женщиной, как Ванесса, является одним из преимуществ протестантства. "Он такой же твой сын, как и Исаак. Не "мальчик"." Она вздохнула. "Клянусь, иногда мне кажется, что ты никогда к нему не потеплеешь".

" Бобби", - сказал Кэл. "И ты знаешь, что у меня нет никаких проблем с тем, что мы... с его усыновлением", - продолжил он, глядя на себя в большое зеркало, которое занимало всю стену их гардеробной. Гардеробная и большие зеркала были двумя преимуществами жизни в довольно дорогом доме; но поскольку Кэл был пастором церкви Божественной Пятидесятницы (средняя посещаемость - 1200 человек), Господь, с небольшой помощью сотен щедрых прихожан, каждый раз дававших слабину, обеспечивал его всем необходимым.

Ванесса положила руку ему на плечо. "Тогда почему бы не извинить его на этот раз?" - продолжила она. "Маска на Хэллоуин - это такая невинная ошибка. Он не придумал ничего лучшего".

"Это оккультизм", - твердо сказал Кэл, поправляя галстук и поворачиваясь к Ванессе. Он был на голову выше ее. "Я этого не потерплю. Если Бобби не знает, какие поступки совершать не стоит, мы должны его научить. Это Божий путь". Он сделал паузу, а затем добавил: "А эта маска - согласитесь, она была ужасной".

У Ванессы не было никаких возражений. Бобби было восемнадцать* лет, и из простой бумаги и бечевки он смастерил поразительно жуткое изображение человеческого лица с преувеличенным ртом в виде фонаря, зашитым вертикальными штрихами. Отверстия для глаз были обведены черным маркером и казались черными слезами, которые стекали по "щекам" белого бумажного лица. По его словам, это была часть школьного проекта. Но Ванессе все это показалось удивительно жутким, возможно, потому, что было так просто сделано. "Да, я понимаю. Это выглядело как... не знаю... Было похоже на человека, проходящего мучения на кресте".

"На кресте тебе не зашивали рот, дорогая", - ровно сказал Кэл. "Я не хочу делать из этого большую проблему. Я просто хочу, чтобы Бобби знал, что он должен думать о Господе и Иисусе Христе, и пусть это вдохновляет его". В нем говорил пастор. Кэл Стерлинг твердо верил в то, что Бог и его сын Иисус Христос - это счастье, процветание, утверждение, и он передавал это послание своим прихожанам каждую неделю во время служб на складе, превращенном в церковь, которая служила им местом поклонения. Толкование Библии Кэлом было простым: бедность, страдания и жертвы, вопреки мнению многих христиан, не являются частью плана Бога по истинному поклонению Ему. Религия заключалась не в том, чтобы переносить

страдания, а в том, чтобы создать общину общей веры, которая в нужный момент выведет из страданий любую богобоязненную семью.

Истинно верующим в Бога было обещано счастье, богатство и благословенная жизнь. А если этого не происходило? Это не вина Бога и уж тем более не вина Кэла. Возможно, они просто мало давали или не полностью открыли свои сердца Господу. Возможно, процветание еще не наступило, и все это не за горами, если они сохранят свою веру. А способов сохранить веру было множество. Например, если у прихожанина оказались места в ложе люкс на футбольный матч в колледже, на который хотел попасть Кэл, разве не будет проявлением христианского доброделания, если он передаст их? А если подрядчики, работающие над переоборудованием склада в церковь, просят больше денег за превышение расходов, то разве не будет благословением положить в тарелку для сбора пожертвований еще десять, или двадцать, или пятьдесят, или сто долларов? Конечно же, да! И этими самыми различными способами Кэл вошел во вкус. Но не более того, что Бог или его сын Иисус Христос сочли бы достойным.

Кэл также верил в силу семьи - у него было двое детей от Ванессы, 11-летний сын Исаак и 18*-летняя дочь Катрина, и он планировал завести еще много детей... пока Бог не вмешался в эти планы. Бах! Синдром поликистозных яичников у Ванессы... и больше никаких детей для них двоих. Пока она не предложила идею усыновления. Тогда в дело вступил Бобби. Сначала Кэл был против - считал, что кровь - это особая и, возможно, духовная связь, а также потому, что дети Бобби не будут носить фамилию Стерлинг как наследники по мужской линии. Тем не менее, он понимал, что сыновья, молодые люди, которые, по крайней мере, могли бы стать его идейными наследниками, могли бы также нести вперед Церковь Божественной Пятидесятницы. Два мальчика вместо одного, два дохода, два завещания, две пары трудолюбивых рук вместо одной, расставляющей стулья и передающей тарелки для сбора пожертвований.

Они с Ванессой выбрали Бобби, потому что он был красивым мальчиком с цветом кожи, по которому не было заметно, что его усыновили. В агентстве им сказали, что его родители были жертвами насилия, и что он побывал в нескольких приемных семьях и в некоторых из них, возможно, подвергался жестокому обращению. Кэл поначалу отнесся к идее взять в семью мальчика, у которого из-за тяжелого времени, проведенного в системе опеки, могли возникнуть проблемы с поведением. Но, к их с Ванессой удивлению, Бобби оказался спокойным, как огурчик. Во время первых встреч он был спокоен, внятен и казался почти незаинтересованным - во время разговора он постоянно рисовал каракули на бумаге и карандашом. Кэл был готов отмахнуться от него, если мальчик покажется ему агрессивным, тупым или еще каким-то ущербным, но Бобби казался очень умным для своего возраста... почти чересчур умным. Когда Кэл рассказал ему о церкви и ее миссии - нести Божью благодать прихожанам каждую неделю, мальчик лишь пожал плечами и кивнул, сказав "конечно", как будто знал все уловки Кэла и был рад подыграть ему и помочь обмануть обывателей. В этом был цинизм - Кэл был в этом уверен, - но доказательств у него не было. Только интуиция.

Если не считать того чувства тревоги, которое испытывал Кэл по поводу его серьезности, Бобби выглядел образцовым ребенком. Он не страдал избыточным весом и был довольно красив: черные волосы настолько темные, что невозможно было различить ничего светлее, челка, зачесанная на лоб. Ванесса, как и следовало ожидать, восторгалась его миловидностью, и Кэл был вынужден признать, что рад тому, что мальчик не был неряхой или странным на вид; для него, как он полагал, было важно, чтобы его сыновья достойно несли его имя. Его биологический сын, Исаак, был одного возраста с Бобби... но Кэл считал, что ему не хватает энергичности. Исаак с удовольствием занимался семейным бизнесом - выступал на каждой

службе в период "возвышения" и передавал тарелку для сбора денег. Эту работу, по замыслу Кэла, должен был выполнять и Бобби, когда он познакомит мальчика со своей паствой.

"Кэл, ты меня слушаешь?" спросила Ванесса. Кэл моргнул, выныривая из своих размышлений.

"Извини", - признался он. "Я просто задумался. Что ты сказала?"

"Я сказала, что ты не должен быть слишком строг к нему", - повторила Ванесса и, наклонившись, поцеловала его в щеку, пахнущую лосьоном после бритья, а затем оглядела его с ног до головы. "Ты хорошо выглядишь", - сказала она. "Уверена, что тарелки для сбора денег будут полны. Бассейн нуждается в новой облицовке, не забывай - и еще вопрос с "Теслой"... нам нужно ее проверить".

"Верно, верно", - сказал Кэл. "Ну, Бог даст".

Он вышел из спальни, готовый встретить новый день. В церкви Божественной Пятидесятницы каждую неделю проходило два больших богослужения, и через два часа он должен был возглавить первое из них. Он говорил своей пастве возвеличивать славу Бога и его сына Иисуса Христа и, используя отрывки из "Хорошей книги", приправленные собственными мотивационными приемами, объяснял каждому из них, что бедные и обездоленные не навсегда обречены на свою участь. Забудьте о том, что Иисус омывал ноги прокаженным и возвышал бедных. Все это хорошо, но это неверное понимание того, что представляет собой истинное христианство. Бог, говорил он им, не любит нищету. Бог любит процветание. И Ванесса купит себе новый бассейн, и новую машину, и новый бриллиантовый чокер на свою изящную, безупречно загорелую шею, новые браслеты на запястья, дети будут кататься на водных скутерах во время однодневных экскурсиий и играть в видеоигры. Во веки веков, аминь.

Когда Кэл вошел на кухню, его сын Исаак и дочь Катрина уже сидели за столом и ели хлопья и тосты с маслом. Кухня была именно такой, какую можно было ожидать от обеспеченного человека: техника из нержавеющей стали, мраморные полы, два (!!!) разных кухонных острова, мансардное окно. В холодильнике даже была установлена камера, чтобы можно было видеть продукты, не открывая дверцу... и все это можно было транслировать по беспроводному каналу на смартфон, если нужно было удаленно посмотреть, что можно приготовить на ужин в этот вечер. Кэл с удовольствием хвастался этой функцией перед своими друзьями; она показывала, что он - дальновидный пастор, который не боится современных технологий в эпоху цифровых технологий.

Исаак был одет в белую рубашку и черный костюм с черным галстуком и застежкой в виде распятия - его стандартный наряд для церковных дней. Катрина с русыми каштановыми волосами, аккуратно собранными в хвост, выглядела не менее пуритански в темно-синем платье, которое было очень скромным по подолу и линии бюста. Тем не менее, было очевидно, что форма ее расцветающего восемнцатилетнего тела такова, что бесполезно пытаться полностью скрыть ее женственные изгибы. Кэл почувствовал сожаление по этому поводу, но также и гордость - Ванесса была красивой женщиной, и эти генетические преимущества передались их дочери. С тем, что где-то в огромном мире добрый, сильный мальчик-христианин с болтающимся у него между ног вызовет у неё дефлорацию, ему придется смириться... но не сейчас. По крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать, он намеревался держать ее под замком. Никаких свиданий. Никаких глупых вечеринок. И уж точно никаких смелых платьев и рискованных купальников, как те, что он видел по телевизору и в Интернете.

"А где твой брат?" спросил Кэл, и оба ребенка посмотрели на него с мгновенным замешательством, прежде чем заговорить.

"О, Бобби", - сказала Катрина, смущенно улыбаясь. " Прости, это так странно - иметь... лишнего брата. Я все еще привыкаю к этому".

"Он надевает костюм, который ему подарила мама", - сказал Исаак, и Кэл удовлетворенно кивнул. Гардероб Бобби был довольно мрачным, как только он присоединился к ним; он состоял в основном из черных футболок, спортивных шорт с растянутыми до неупругости поясами и грязных джинсов с потертостями. Он, конечно, не мог надеть ничего из этого на службу, поэтому Кэл попросил Ванессу провести его по магазинам и купить ему нарядный костюм, чтобы отпраздновать Божью Любовь... и чтобы хорошо выглядеть, держа в руках ящик для пожертвований! Он услышал шаги по коридору и ожидал, что это Бобби... Но когда он увидел мальчика, его захлестнула волна удивления и нереальности происходящего.

Бобби был одет в свой костюм - черный пиджак, черные брюки, черные туфли, черный галстук, белая рубашка, - но этот худощавый мальчик выглядел совсем не так, как Исаак. Во-первых, его галстук был не в виде шнурка, а в виде "четвёрки", что делало образ более взрослым. Пошив костюма был лучше - Ванесса, очевидно, сделала профессиональную подгонку - и вместо того, чтобы утопать в рукавах или выглядеть как ребенок, играющий с костюмом взрослого бизнесмена, узкие плечи под большими подплечниками, пиджак и брюки были подтянуты и демонстрировали стройное тело Бобби, его изящные ноги и руки. Когда он вошел в комнату с черной челкой, надвинутой на один глаз и спускающейся к одной идеальной скуле, у Кэла на мгновение возникло видение.

Человек в черном. Он напоминает мне ребенка Джонни Кэша!

Это был не тот эффект, на который рассчитывал Кэл, когда наряжал Бобби. Если костюм Исаака как бы инфантилизировал мальчика в духе Маленького лорда Фаунтлероя, то костюм Бобби действовал прямо противоположным образом.

"Ты выглядишь как..." Кэл прервал себя, осознав, что находится на грани того, чтобы высказать свои мысли. "Ты хорошо выглядишь", - неубедительно закончил он.

"Спасибо", - сказал Бобби, садясь за стол. "Я не думал, что буду хорошо выглядеть в такой одежде... но, по-моему, она мне очень идет, ты не находишь?"

Кэл только кивнул, поскольку его собственные мысли были озвучены с удивительной точностью. "Да", - сказал он и посмотрел туда-сюда на Исаака и Бобби, которые сидели на противоположных концах стола, а Катрина - между ними. У Исаака были те же волосы и цвет глаз, что и у него, - карие и коричневые, - но в своем костюме он выглядел как ребенок, играющий в переодевание. Его тело было мягче, чем у Бобби, как и выражение его лица и вообще его манера поведения.

"Итак, я полагаю, нам следует поговорить о вчерашнем маленьком вопросе, - начал Кэл, подойдя к холодильнику, чтобы взять себе стакан молока. Холодильник был обклеен магнитными буквами, и дети развлекались тем, что составляли из них слова. "Эта... маска, которую ты сделал".

"О боже, я видела это", - сказала Катрина, ее лицо было впечатлено. "Очень жуткая! Не то что детские маски, которые продаются в магазине на Хэллоуин, а скорее что-то из фильма".

Кэл оглянулся через плечо. "И какие же фильмы вы смотрели с такими вещами, юная леди?" - назидательно спросил он.

Катрина сразу покраснела и опустила взгляд в свою тарелку. "О, я бы никогда не стала смотреть такие фильмы, папочка - я просто увидела обложку на аккаунте Лизы в Netflix, когда мы искали, что бы еще посмотреть". Кэл видел, что она лжет, но не мог судить, много это или мало. Он решил пока не придавать этому значения, но ему придется поговорить с Катриной о ее привычках потребления медиа. Родители никогда не могут быть слишком осторожны - Кэл считал, что большинство средств массовой информации оказывают развращающее воздействие на юных леди.

"Когда я вижу молодых людей, наряжающихся в страшные костюмы - прославляющих макабризм, - я не вижу там никакого прославления Бога, Бобби", - читал он лекцию. "А в этом доме, в этой семье... мы ставим Бога на первое место". Захватив молоко, он закрыл дверь, и его взгляд сфокусировался на наборе букв-магнитов на холодильнике прямо на уровне его глаз. Кто-то расположил их так, чтобы они читались:

SIC LUCEAT LUX (ДА ВОССИЯЕТ СВЕТ)

Кэл потерял ход своих мыслей. Это же латынь, верно? Он понял, что просто неловко стоит посреди лекции, и выкинул эту мысль из головы. "Если ты хочешь применить свои художественные способности, Бобби, давай поработаем вместе и придумаем что-нибудь более конструктивное", - закончил он. "Что-то такое же прекрасное в глазах Бога, как и в глазах всех здесь, на земле".

Бобби жевал кусок тоста, и его зеленые глаза переглянулись с Кэлом. "Конечно, папа", - сказал он, и его голос был мягким и чистым, как его новый костюм. Кэл почувствовал прилив гордости от того, что мальчик назвал его "папой", и в то же время ему показалось, что Бобби слишком легко отделался - обратился к нему так, что, как он знал, это его успокоит. Но если он еще больше раздует из этого проблему, то наверняка будет выглядеть людоедом перед двумя другими своими детьми.

"Хорошо", - сказал он. И сел сам. Глотнув молока, он посмотрел на холодильник, а затем снова на стол. "Кто-нибудь знает, что означает эта фраза, написанная магнитиками на холодильнике?"

Исаак, набив рот тостом с маслом, незаинтересованно покачал головой. Катрина попыталась что-то разобрать, но только удивленно покачала головой, не сумев даже выговорить слова. Кэл как раз собирался начать объяснять латынь, когда Бобби заговорил все тем же ровным, мягким голосом.

"Итак, да воссияет свет".

Наступила минута молчания. Бобби оторвал корочку от своего тоста и ел намазанный маслом хлеб, вытирая крошки с рук. Затем Катрина нарушила тишину. "Вааааау! Ты можешь это читать? Это из Библии?"

Бобби бросил взгляд на Кэла и покачал головой. "Нет", - ответил он, а затем, что удивительно, подмигнул. "Правда, папа?"

Кэл прочистил горло. "Конечно, правильно". Он не знал, откуда взялась эта фраза... только казалось, что она несет в себе зловещий смысл, не ограничиваясь простыми словами. Исаак хмурился и закатывал глаза на Бобби, возможно, уже считая мальчика всезнайкой. Но даже когда Исаак все больше отдалялся от своего нового брата, Катрина, казалось, проявляла к нему все больший интерес.

"Ну, я думаю, это красиво, - сказала она, мило улыбаясь Бобби. "Свет, озаряющий всех нас". Кэл заметил, что верхняя пуговица ее платья расстегнута. Когда это случилось?

"Застегни верхнюю пуговицу, милая", - мягко посоветовал Кэл. Блузка была довольно скромной, но с расстегнутой верхней пуговицей были видны очертания развивающейся груди Катрины. Неуместность этого, в сочетании с неуместным тоном разговора, добавила странности завтраку. Катрина покраснела и снова застегнула платье.

Кэл налил себе миску хлопьев, и они съели остатки завтрака в молчании.

Ванесса чувствовала себя виноватой, роясь в ящиках Бобби; когда она нашла его рисунки, то сказала себе, что смотреть на них, наверное, грешно, и нерешительно положила руку на обложку этюдника, который она обнаружила в нижней части прикроватной тумбочки, под различными книжками и контроллером видеоигры, перевязанным проводами.

Она знала, что ее приемный сын - художник, она видела, как он рисовал и делал наброски во время собеседований в агентстве по усыновлению. Там была игровая комната, и хотя Бобби был уже слишком взрослым, чтобы пользоваться многими вещами в ней, он любил садиться и рисовать или раскрашивать; Ванесса находила в этих сокращенных набросках и рисунках грубоватое, но узнаваемое качество, которое вызывало восхищение. Он не рисовал больших преувеличенных лиц или лимонного цвета солнца, падающего с двухмерного неба. Вместо этого он рисовал фигуры, образующие абстрактные версии вещей, так что требовалось время на изучение и концентрацию, чтобы понять, что это за изображение. Но как только вы узнавали его - полутреугольник оказывался носом, розовое пятно - румяной щекой и так далее, - вы уже не могли воспринимать его иначе.

КЛАК! Рамка с фотографией упала, и Ванесса вскрикнула. Ее большие груди, свисавшие вниз в белой хлопчатобумажной нижней рубашке, когда она наклонялась к ящику с торцевой стороны стола, задели угол фотографии Бобби, на которой были изображены она и Кэл, и заставили ее опрокинуться. "Боже, - пробормотала она и поправила рамку. Она была красивой женщиной, с богатой грудью и бедрами, и в другой жизни могла бы провести свои двадцать и тридцать лет в качестве желанного объекта для богатого мужчины. Но после окончания школы она была бесцельна, и, хотя интерес со стороны мужчин проявлялся, ближе всего к тому, чтобы применить свой круглый зад и большую грудь на практике, она была лишь в короткое время, когда работала официанткой в ресторане Hooters. Церковь и Кэл заполнили пустоту в ее жизни. Теперь ее работа заключалась в том, чтобы быть матроной семейного клана Стерлингов; улыбающееся публичное лицо, которое самим своим присутствием давало понять прихожанам, что женщина с ее прелестями готова упасть в объятия любого мужчины, который прославляет Бога и верит в Его доброе слово - заботу Кэла Стерлинга и конкретно церкви Божественной Пятидесятницы.

Договор между ней и Кэлом - хорошо выглядеть и представлять семью и церковь - был негласным, но она все равно относилась к нему серьезно. У нее были великолепные, как у кинозвезды, темные волосы, почти черные, и при малейшем повороте головы они рассыпались

каскадом и завивались так, что позавидовала бы реклама любого шампуня. Она держала ноги и руки в тонусе, а летом предпочитала блузки без рукавов и обтягивающие шорты. Ничего непристойного, конечно, но прихожане-мужчины, посещавшие службу, могли подтвердить, что ее грудь - прекрасный пример бесконечной щедрости Бога. Когда она была одета в легкие ткани, легко было представить, что можно разглядеть пухлые формы ее больших сосков. Ее кожа всегда была равномерно загорелой и сияла великолепным блеском; каждый вечер она пользовалась увлажняющим кремом. Ногти были безупречны, но не бросались в глаза. Ноги тоже были красивыми, что позволяло ей носить летом босоножки и туфли на каблуках с открытым носком. Катрина любила подчеркивать свои серо-зеленые глаза дымчатой тушью и длинными темными ресницами. Однажды Исаак, придя из школы, спросил ее, что такое " милфа", поскольку другие мальчики называли ее именно так. Когда она узнала это определение, Ванесса была совершенно ошарашена и отвращена кощунством мальчишек... но в то же время слегка польщена.

Она поправила грудь в лифчике, стараясь избежать повторения проблемы опрокидывания фоторамки, и быстро перелистнула на первую страницу этюдника Бобби. Вдалеке, на кухне, послышался шум разговора. Семья сидела за завтраком; она сама еще не успела полностью одеться к церкви, хотя должна была начать быстро.

То, что она увидела, заставило ее вздохнуть.

Искусство было хорошим. Очень хорошо. Лучше, чем она могла ожидать. За несколько месяцев до этого, разговаривая с Бобби, Кэл предложил ему нарисовать несколько картинок из Библии или что-нибудь другое, посвященное добрым делам Бога и Иисуса Христа. Бобби сказал "конечно", но с тех пор она так и не увидела ничего на религиозную тематику... до сих пор.

На картинке, выполненной из четких и чистых линий, был изображен человек, ползущий к укрытию под деревом Иешуа в бесплодной пустыне под палящим солнцем. Ванесса присмотрелась, и на лице мужчины отразилась чистая агония - он вспотел и, казалось, умирал от перегрева. Эффект от изображения был совершенно обескураживающим. А под ним простым почерком Бобби была сделана надпись:

"Ни скала не скроет, ни мертвое дерево не укроет от суда Его".

Ванесса вспомнила, как она изучала Библию. Несколько отрывков она знала наизусть, многие - приблизительно; но Кэл не цитировал и не ссылался на Библию так, чтобы, как он выразился, вызвать у людей "неприятные чувства". Он хотел, чтобы службы в Церкви Божественной Пятидесятницы были "бодрящими" и "отвечали" потребностям современного верующего; это не включало в себя длинных и тягостных притч о страданиях, которые уготованы кающемуся человеку. Таким образом, хотя рисунок Бобби был религиозным, даже благочестивым... он совершенно не вписывался в философию Кэла.

"О боже", - пробормотала она про себя, рассматривая рисунок. Из-за дерева джошуа выполз аспид, как бы указывая на то, что любой человек, ищущий спасения от гнева Всевышнего, найдет свой путь в окружении змей. А в небе неумолимо палило солнце.

Она перевернула страницу, не желая больше на нее смотреть. Ванесса не знала, почему эта картинка вызвала у нее неприятные ощущения, почему от нее вспыхнули щеки и затрепетал подтянутый живот, но это было так. Но картинка за ней была не лучше. На ней на одной из

городских улиц сидел обрюзгший трубадур с раскрытым футляром гитары, заваленным деньгами... Но было видно, что человек мертв: его лицо было исхудалым, а голова откинута назад под углом. Ниже была надпись:

"Не делайте музыки, кроме как языком человеческим, говорит Господь".

Из-за облаков показался архангел, который смотрел на человека и был очень похож на Кэла.

"О Боже!" вздохнула Ванесса. Ванесса снова перевернула страницу, не желая видеть исхудавшие щеки, скрюченную шею того трупа на городской скамейке. Но следующее изображение заставило ее выронить книгу.

Это были мать и ребенок, мальчик был перекинут через ее колени и получал возможность сосать ее грудь, которая казалась большой и полной; мальчик, возможно, был слишком взрослым, чтобы заниматься столь интимной практикой. Она спустила с плеч плащ, обнажив грудь, мальчик был закутан в одеяние, и все же в области его гениталий ткань, казалось, изгибалась вокруг большой и устрашающей фаллической формы.

Не может быть, чтобы он хотел нарисовать это именно так, - рассуждала Ванесса. Он всего лишь мальчик. Только начинающий художник. Он неправильно нарисовал линии, и получилось, что у мальчика на картине... большой пенис!

Более того, у кормящей матери были некоторые... черты... которые были знакомы. Макияж глаз. Темные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Форма скул и рта. Браслеты на каждом запястье. Ванесса опустила взгляд на свои запястья и увидела, что на них действительно надеты серебряные обручи, точно такие же, как у женщины на картине. И было еще кое-что - что-то анахроничное в остальном библейском или античном облике фигур. Очки для чтения, висевшие на шее матери на тонкой цепочке.

Она носила очки для чтения. Ванесса взглянула на надпись.

"Долог путь и труден, что из ада ведет к свету.

Длинный. Тяжелый.". Эти слова были нацарапаны несколько раз, чтобы сделать их более жирными. "О Боже!" Ванесса снова задохнулась. Она опустила книгу обратно в ящик. Она увидела окно в сознание своего нового сына, и то, что было внутри, потрясло ее. Неожиданная близость этого - знание истинного уровня его художественного таланта, знание направленности и тематики его работ... знание того, что у него есть... определенные мысли. Она почувствовала прилив взволнованного беспокойства. Она не могла рассказать об этом Кэлу - пока не могла. Не сейчас, когда она уже опасалась, что он не примет мальчика.

Она зашла в комнату только для того, чтобы сменить постельное белье Бобби и собрать его вещи, что она делала для всех троих своих детей перед тем, как отправиться на службу в выходные дни. Она аккуратно положила книгу на место, убедившись, что она выглядит так же, как и раньше, и откинула смятое покрывало Бобби.

"Господи Иисусе!" - прошептала она, прижимая руки ко рту.

Постель была полностью залита спермой. Ее было так много, что местами она превратилась в

еще влажные лужицы... а длинные, тяжелые пряди сохли и становились липкими от середины до изножья кровати. Мощный запах мужских выделений - не отличить, что это было - донесся до нее, она повернула голову и вздрогнула. Запах был настолько сильным. Она знала, что ее сын Исаак иногда мастурбирует по ночам - она видела доказательства и решила не говорить об этом Кэлу. Исаак было 11 лет, и его выделения были всего лишь несколькими мутными полосками. Но это... похоже, Бобби выстрелил не хуже лошади!

Она протянула руку и провела пальцами по одной из луж спермы, застонав от ее мерзкой, студенистой консистенции и смазки. В лицо ей ударила еще большая вонь спермы. Сперма была такой густой, что она могла собирать ее большими, пухлыми горстями... а невысохшие нити можно было подцепить, как длинных белых червяков.

Это сделал восемнадцатилетний мальчик, подумала она, и от этой нелепости ее бросило в дрожь. И все же, похоже, это было правдой. Конечно, никто другой не спал в постели Бобби, и другое объяснение, например, что мальчик собирал сперму из презервативов, чтобы разыграть гротескный розыгрыш, казалось ей малоправдоподобным. Мысли вернулись к гравюре с изображением Мадонны и перезрелого, кормящего грудью ребенка, с большим выступом в его одежде и ее рукой, задерживающейся возле него, когда она дает ему пососать. Ее живот затрепетал, Ванесса почувствовала, как затвердели соски, а сердце начало биться быстрее. Она снова и снова вдыхала носом и наполняла носовые пазухи ароматом чистой, концентрированной спермы. Как мальчик мог так много кончить? Почему он оставил свою постель в таком состоянии, чтобы она нашла ее, полностью забрызганную его огромными порциями семени?

Даже мысли о мальчике в таких категориях заставляли ее чувствовать себя грешницей. Но она не могла не спросить себя - насколько же большими должны быть яйца Бобби, чтобы так много производить? Она никогда не видела его голым; даже когда с него снимали мерки для костюма, что могло бы потребовать от него раздеться до трусов, он настоял на том, чтобы поговорить с портным наедине. Она сочла это безобидной юношеской скромностью или желанием показать его новой матери, что он может сам справиться со "взрослыми" делами. В результате она не видела, как он раздевается, поэтому не имела представления о том, как выглядят его гениталии.

Со стола послышался звон посуды, и это напомнило ей, что время не ждет. Она схватила большими горстями покрывало и измазанные простыни, скомкала их и бросила в корзину для белья, отчего густые белые выделения спермы слиплись на ее пальцах. В нос снова ударил запах спермы, и она застонала. Это было так противно... но в контексте ее нового сына она обнаружила, что не испытывает отвращения. Скорее, она чувствовала себя так, словно открыла секрет, и ее родительский долг - разобраться с ним так, чтобы Бобби не чувствовал себя странно или стесненно.

"О... боже!" - вздохнула она, увидев, что к ее пальцам прилипли огромные ватки спермы. Ее руки были в беспорядке, а простыни влажными и тяжелыми от спермы, пока она шла по коридору к ярко освещенной прачечной, где стояла стирально-сушильная машина.

"Ванесса?" - раздался голос Кэла, и она услышала, как его стул заскрежетал по кафелю. Дверь в прачечную была закрыта, и по полу раздавались шаги его нарядных воскресных туфель, которые вот-вот должны были войти в зал и застать ее с перепачканными спермой простынями и руками. Покрывало было настолько перепачкано спермой, что она не могла вытереть об него руки, а попытка сделать это на одежде оставила бы только огромные слипшиеся полосы спермы! "Ванесса, ты отвезла Бобби к Спенсеру, как я просила? Потому что этот костюм..."

Она сделала единственное, что могла.

Ванесса поднесла покрытую спермой руку ко рту и, сжав пухлые губы, стала всасывать густую сперму. Она провела языком по пальцам, по щелям между ними, заглатывая мерзкие струйки спермы своего восемнадцатилетнего сына и следя за тем, чтобы каждая рука была чистой. Кэл вышел в коридор, но его взгляд частично загораживала корзина с бельем; она успела закончить с одной рукой, поправить корзину и начать сосать другую. Запах и вкус чистого мальчишеского секса заполнили ее рот. Она ела чистую сперму - ту самую, которая вытекала из члена ее приемного сына. Она никогда, с энтузиазмом или иным способом, не занималась подобным потреблением даже во время секса, но желание защитить Бобби от пристального внимания мужа было настолько сильным, что оно бурлило в ней, как взревевший мотор. Кэл не любил скрипучих колес - он хотел, чтобы все шло гладко. А если он узнает, что у его сына бывают ночные выделения, от которых краснеет даже жеребец...

Она наполнила рот из второй руки и позволила густой сперме стечь по языку и внутренней стороне щек. Вкус такой сильный. Ей почти почудилось, что она чувствует, как эти большие, толстые, извивающиеся головастики копошатся в белом студенистом месиве, выискивая яйца для оплодотворения.

Глоток. "Ннгх!" Ванесса застонала и вытерла рот тыльной стороной ладони, когда Кэл выглянул из-за корзины с бельем.

"Ванесса", - сказал он. "Бобби сказал, что попросил тебя отвезти его к частному портному? К Алигьери?" Он выглядел взволнованным, и в своем волнении не заметил ни ее покрасневшего лица, ни ее свежевылизанных рук. "Лучше бы вы сначала посоветовались со мной".

"Мы можем себе это позволить, дорогой. А он, кажется, интересуется модой", - ответила Ванесса с виноватым видом. "Вряд ли было бы правильно подавлять его". Она сделала паузу. "Я не помню, как называлось это место. Это был не ресторан Алигьери. У Массимо? Маленький магазинчик с дыркой в стене рядом с Бикон-стрит. Очень похоже на Маленькую Италию.

" Бобби сказал, что это "У Алигьери". Но мне все равно, если бы он назывался "Вокхаус Гвидо", - кисло проворчал Кэл. "Дело в том, что это очень элегантный костюм, но... это не совсем тот эффект, которого я хотел. И мальчик должен понять, что к нему нельзя относиться по-особому, заботясь о каждом его капризе. Он должен уважать наш выбор, как своих родителей".

Ванесса бросила на него довольно кислый и обиженный взгляд, и Кэл поднял руки и немного отступил назад. "Я слишком остро реагирую", - сказал он. "Вы правы. Это... это хороший костюм".

"Это нормально - относиться к нему по-особенному, Кэл", - прочитала она лекцию. "Он наш сын. Он проводит свои первые недели в новой семье. Честно говоря, иногда мне кажется, что ты больше заботишься о пастве, чем о своем собственном мальчике!"

"Если у меня есть серьезные взгляды на то, как с ним надо обращаться и как он себя ведет, то это только потому, что мне не все равно", - ответил Кэл, и теперь его щеки тоже окрасились. Он вздохнул, и это, казалось, разрядило всю напряженность между ними. "Я не... Я не знаю, должен ли он быть с нами сегодня. Я не знаю, готов ли он". Он имел в виду запланированную часть службы, где они с Ванессой должны были представить Бобби пастве как нового члена семьи. Кэл планировал превратить это в проповедь - разумеется, тщательно продуманную, чтобы получить поддержку и десятину, - о важности семьи, плодородия и умножения, даже преодолевая невзгоды. Но Бобби раздражал его все утро, и теперь он сомневался, сможет ли

мальчик воспринять это всерьез. Они уже несколько раз брали его на службы, он всегда послушно сидел и вел себя хорошо. Но что касается его роли... можно ли ему доверять? Кэл не знал.

"Это только заставит его чувствовать себя еще более отверженным", - сказала Ванесса, ее глаза были полны беспокойства. "Бобби сказал, что сделает это. Почему ты сомневаешься?"

"Я не знаю", - сказал Кэл. "Возможно, я просто поступаю глупо".

Ванесса ободряюще коснулась его руки. Он не заметил, что ее руки были еще слегка влажными. "Иди, заканчивай завтрак", - сказала она. "Я приду после того, как разберусь с этим грузом". В ее мозгу тут же зашумело - формулировка! - но неуклюжее добавление "белья" в конце только еще больше выделило бы ее. Кэл, казалось, успокоился, повернулся и пошел по коридору.

У нее было два часа до службы, чтобы подумать о том, что она сделала и что собирается делать.

Первая встреча Бобби с Церковью Божественной Пятидесятницы была похожа на все предыдущие. Сама церковь представляла собой переоборудованный склад, и если присмотреться, то можно было заметить, что улучшения, купленные и оплаченные Кэлом (все за счет щедрых пожертвований его паствы), были лишь поверхностными. Слой ковролина покрывал лишь часть цемента; в центральных рядах стояли скамьи, но остальным приходилось сидеть в бесконечных рядах стульев. Алтарь и кафедра находились на возвышении, над которым располагалось верхнее освещение и строительные конструкции, больше напоминающие рок-концерт, чем священные залы Нотр-Дама или Санта-Марии. Действительно, во время монтажа подрядчик похвастался, что делал "сумасшедшую" установку сцены Iron Maiden.

Звуковая система была самой современной, благодаря чему голос Кэла звучал над гулом промышленной системы вентиляции, которая поддерживала здесь комфортную атмосферу летом и зимой. Эта же звуковая система воспроизводила зажигательные христианские гимны и музыку во время "прославления", когда Кэл мог взбудоражить толпу и увлечь ее славой Бога и Иисуса Христа, Его Сына... взбудоражить настолько, чтобы они открыли свои кошельки.

Кэл стоял на сцене в голубом костюме с вышитой крестом манишкой, накинутой на плечи, а остальные члены семьи сидели на стульях по обе стороны, когда не были заняты другими делами. Ванесса и Катрина по очереди управляли музыкой. "И сказано в Евангелии от Матфея 18:5, - провозгласил он, и на его морщинистых бровях выступил пот, словно он был вторым пришествием Джимми Сваггарта. "Кто примет одно дитя во имя Мое, тот примет Меня". Кэлу приходилось быть осторожным в том, как он говорил о Бобби; будучи неденоминационной церковью, построенной на идее, что процветание - это нормально, и что христиане не обязаны нагибаться и раздавать деньги каждому бездомному только потому, что Иисус однажды сказал какую-то фразу, он был склонен преуменьшать значение слов Иисуса о приюте сирот. Но ведь это было прославление себя усыновлением, купание в Божьей благодати? Это было прекрасно. "Подойди сюда, Бобби! Покажи им свое лицо! Подойди сюда с Исааком, твоим новым братом. Покажи им, что мы все братья!"

Толпа зашевелилась, и Кэл понял, что это означает деньги. Бобби и Исаак вышли на сцену в своих костюмах, Бобби - в черно-белом, Исаак - в сером с галстуком-бабочкой. Кэл похлопал обоих мальчиков по плечам и прижал их к своим бедрам, а Исаак бросил на Бобби недоверчивый взгляд, который прихожане в основном не заметили. "Мы все - одна семья", - повторил Кэл. "А когда у тебя сломалась плита и тебе нужно ее починить, кому ты звонишь? Своей семье. Когда двигатель вашей машины перестает работать, кому вы можете доверить честную сделку? Вашей семье". Музыка, игравшая на заднем плане, дополняла атмосферу похвалы; Кэл понял, что место действительно гудит. Он заметил, что старая мисс Карлайл, которой было 88 лет и которая была прикована к инвалидному креслу, покачивается и жестикулирует на своем месте. Каждую неделю она приходила за его благословением, чтобы получить исцеление от артрита, мучившего ее тело, чтобы получить отпущение грехов от Кэла и его ловкого языка. И каждый раз, когда он клал руку на голову старой мисс Карлайл и говорил ей, что Бог благословит ее, он находил в тарелке для сбора денег еще 200 долларов, полученных от ее пенсии. Иногда, в дни религиозных праздников, эта сумма доходила до тысячи.

"Я не боялся принять эту новую душу в свою семью, потому что знал, что у меня есть семья из тысячи человек", - продолжал Кэл, обнимая Бобби за плечи. Мальчик смотрел прямо перед собой без всякого выражения. "Я знал, что если Бобби понадобится стоматолог, врач или новые школьные учебники, я могу рассчитывать на милость Божью, действующую через всех вас". Скажите "Аллилуйя!"".

Прихожане так и сделали, и Ванесса улыбнулась, увидев, как Кэл так легко ввел Бобби в привычный ритм. Даже Катрина со своего места у подиума, казалось, получала удовольствие от этого. Только Исаак выглядел довольно ревнивым и расстроенным, и Ванесса поняла, что ей придется с ним поговорить. Она дорожила им, как и всеми своими детьми, и хотела, чтобы они с Бобби ладили и помогали друг другу, как настоящие братья. Исааку же так нравилось быть любимым ребенком - тем, кого Кэл использовал для того, чтобы умилять людей. При виде недоверия на его лице у нее заныло сердце.

"Кто хочет подняться?" сказал Кэл. "Кому есть что сказать о милости и любви Божьей? Кто хочет, чтобы Бог снял с их плеч финансовое и эмоциональное бремя?" Это был период в каждом служении, перед проповедью, когда люди, охваченные духом, могли пройти к сцене и получить прикосновение к голове и несколько утешительных слов. Обычно эти прикосновения выполняли Кэл и Исаак, а на этой неделе Кэл хотел показать Бобби, что он тоже является членом семьи. Его инструкции были просты: Бобби должен был положить руку на головы верующих и произнести одну из нескольких фраз. Если они хотели что-то сказать - о личной беде, болезни или финансовых трудностях, он должен был выслушать их, а затем произнести то же самое благословение, заверяя, что все недуги могут быть исцелены силой Божьей.

Очередь прихожан подходила и разделялась на три части. Иногда люди становились очень оживленными - говорили на разных языках и судорожно жестикулировали, как будто их одолевал святой дух. Кэла это не смущало. Подобные проявления веры - пусть и перформативные, как он считал в частные моменты, хотя никогда бы в этом не признался - помогали ослабить кошельки. Он только надеялся, что никто из этих "восторженных верующих" не впадет в припадок на глазах у Бобби. Это было бы непривычно наблюдать в первый раз. Хотя на самом деле парень выглядел спокойным, как огурчик, когда клал руку на головы людей в своей очереди и повторял то, что говорил ему Кэл.

Когда мисс Карлайл появилась на сцене в своем инвалидном кресле с электроприводом, она оказалась в очереди Бобби. Кэл решил, что это не случайно. "Мисс Карлайл, - объявил он, и его голос зазвучал в динамиках. "Такая верная, здесь с нами каждую неделю. 88 лет и

благословлена Богом". Он подошел к Бобби, и толпа зааплодировала, когда старая птица с истощенным телом, закутанным в шаль, оказалась в центре внимания.

"О, мистер Стерлинг, хвала Иисусу и Господу Богу", - пролепетала она. "Мой артрит причиняет мне ужасные боли. Мне нужно, чтобы Господь избавил меня от боли. Каждую неделю я прошу, и она то приходит, то уходит... но в последнее время становится все хуже". Она протянула руки, костяшки которых гротескно проступали под пятнистой кожей. Из уголков ее морщинистых глаз текли слезы - слезы боли старой женщины, тело которой бунтовало против нее. "А теперь мне говорят, что у меня рак кости. Я просто говорю: "Помоги мне, Господи". Помоги мне, Господи. Избавь меня от этой боли". На ее лице было выражение недоумения и растерянности, как будто она не понимала, за что ее заставляют так страдать. Глаза, затянутые катарактой, смотрели в юное лицо Бобби с обнаженным отчаянием.

Но мальчик был как скала. Он протянул руку и положил ее на голову мисс Карлайл. Толпа ахнула: старуха в конце жизни получает отпущение грехов от темноволосого ребенка - весь жизненный цикл в одной картине. Бобби поднял глаза на Кэла и бросил на него знающий взгляд.

"Продолжай, сынок", - сказал Кэл. Но Бобби ничего не сделал, только смотрел на Кэла.

"Ты хочешь освободиться от своих страданий?" спросил Бобби мягким голосом, и, что удивительно, мисс Карлайл обхватила его тонкое запястье обеими своими измученными артритом руками и поцеловала его.

"Да!" - задыхалась она. "О, да! Господи, освободи меня от этой боли!"

Бобби снова поднял глаза на Кэла, и Кэл почувствовал внезапный холодок, ощущение, что что-то не так. Он привык к тому, что полностью контролирует свои услуги и свое сообщение. Он уже собирался открыть рот и сказать Бобби, чтобы тот продолжал, благословил богатого старого торговца и перешел к следующему... Но все, что он успел произнести, это "Бобби...", прежде чем что-то пошло неправильно.

Ужасно, ужасно неправильно.

Мисс Карлайл задохнулась и откинула голову назад. С ее губ сорвался низкий и сильный стон. Толпа начала громко аплодировать, создавая грохот вместе с христианской музыкой на заднем плане. "Да, сестра!" - крикнул мужчина с нескольких рядов сзади. "Пусть дух Господень возьмет тебя! Впустите Бога в свое тело и почувствуйте Его любовь!"

Глаза мисс Карлайл закатились, а язык высунулся изо рта. Она издала жуткий удушливый звук, и ее голова стала мотаться вправо-влево, изо рта пошла пена. У Кэла расширились глаза: старая сука не вошла в раж, у нее начался припадок! "О, Господи!" - задыхался он. Ее грудь вырвалась вперед, а сгорбленный позвоночник с треском перешел из сгорбленного в согнутое положение. Слюна полетела в воздух из ее задыхающегося рта. Ее руки слетели с запястья Бобби и начали жестикулировать, сжимаясь, открываясь и закрываясь в воздухе.

"Бобби, прекрати!" закричал Кэл. "Бобби, держи ее!"

Но Бобби не двигался. Он просто стоял, держа руку на голове мисс Карлайл, и не вздрагивал, когда она извивалась, плевалась и дрыгала конечностями. Она вылетела из кресла и рухнула на пол, захрипев, глазные яблоки закатились в глубокие впадины, желто-белые волосы

разметались за спиной, и она невидяще уставилась в потолок. Бобби опустился рядом с ней на колени и держал руку на ее голове. Выражение его лица не менялось.

Толпа быстро начала понимать, что что-то не так. Люди встали, чтобы лучше видеть происходящее, задыхались, опрокидывали стулья, а некоторые побежали вперед к сцене. Ванесса выключила музыку, и шум голосов грозил заглушить все остальное. Катрина и Исаак с огромными, как блюдца, глазами наблюдали за тем, как на их глазах старая женщина, казалось, собирается насильственно уйти из жизни.

"Вы!" сказала мисс Карлайл, глядя на Бобби налитыми молоком глазами. На ее пересохших печеночных губах выступили капельки слюны. "Ты! Вы.... Ты..."

Бобби не дрогнул, даже когда пена из задыхающегося, бьющегося в спазмах рта старухи брызнула ему на щеку. Он лишь смотрел на нее немигающими зелеными глазами с черной челкой, нависшей над одним из них, а она смотрела вверх, сквозь него на осветительную установку. Для нее пылающие лампы, должно быть, казались сонмом ангелов, уносящих ее с этого смертного ложа.

"Бобби, черт возьми!" сказал Кэл, и его микрофон, болтавшийся у него на боку, не уловил его богохульства. Он выскользнул на сцену и посмотрел вниз на мисс Карлайл. Он не хотел, чтобы эта старуха умерла на его глазах; не после всех тех недель, когда она получала Божью благодать в его церкви. Он снова поднес микрофон к губам. "Есть ли тут врач?" спросил Кэл. "Нам бы не помешала помощь".

В конце концов, прихожане Кэла были весьма благотворны для состоятельных людей, и лысому, носящему свитер медику не нужно было заканчивать медицинскую школу первым в своем классе, чтобы рассказать Кэлу, в чем дело. Мисс Карлайл умирала. Сделав несколько сжатий грудной клетки - он дал оценку "мертва". Бобби все это время держал руку на ее голове, убирая ее только тогда, когда не оставалось ни малейшего шанса на спасение. Только тогда он встал и посмотрел на нее с бесстрастным, как показалось Кэлу, выражением лица. С другими детьми дело обстояло иначе. Исаак, казалось, готов был разрыдаться, а широко раскрытые красивые зелено-серые глаза Катрины, как у матери, впитывали каждую деталь. Для них обоих это был первый раз, когда они видели нечто подобное, и это не могло не раздражать Кэла, который тщательно следил за тем, какие средства массовой информации они потребляют. Особенно его раздражало выражение лица Катрины. С реакцией Исаака он мог смириться - в конце концов, ребенок должен плакать, когда что-то пугает, - но Катрина выглядела как только что отпертая дверь, изнутри наполненная новыми и захватывающими знаниями о человеческой смертности.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Кэл отменил оставшуюся часть службы... и сообщил прихожанам, что собрание, посвященное прославлению, возобновится на следующий день, как и было запланировано, и в это время будет проведено поминовение мисс Карлайл. Он выключил микрофон и сошел со сцены. Старая женщина и ее 200 долларов в неделю ушли навсегда, и его новый сын Бобби сыграл в этом не последнюю роль.

Он посмотрел на мальчика и увидел, что Бобби смотрит прямо на него. Кэл почувствовал мгновенный приступ страха, сам не зная почему.

"Кровоизлияние в мозг и сердечный приступ", - категорично заявил Кэл, и врач скорой помощи кивнул.

"Да. Одновременно. Вы ничего не могли сделать. Эта крепкая старушка - ее организм просто не мог больше держаться. Ее семья сказала мне, что у нее была четвертая стадия рака костей, и она была после пневмонии. Честно говоря, ее вообще не должно было быть здесь". Врач скорой помощи затушил сигарету и притоптал ее ногой. Кэл слушал его с бесстрастным, понимающим лицом, не намекая на то, что именно он, несмотря на огромную боль, убеждал мисс Карлайл посещать каждую службу, просить Бога о помощи и, негласно, продолжать делать пожертвования в размере 200 долларов.

"Спасибо, что сделали все, что могли", - сказал Кэл. Машина скорой помощи стояла на парковке; они даже не собирались включать фары и сирены. Мисс Карлайл была мертва без всяких сомнений и вопросов. Смерть была констатирована в 11:25 по тихоокеанскому времени, сейчас было 11:45.

Тем временем Ванесса, Исаак, Катрина и Бобби остались в большой задней комнате, которую семья использовала для подготовки к каждой службе. Она была заполнена аудиоаппаратурой, реквизитом для особых случаев (Кэл иногда проводил церемонии бракосочетания, и там стояла белая плетеная арка для таких союзов) и, наполняя большие чаши, кусочками простых хлебных облаток, использовавшихся для Вечери Господней, которая совершалась каждые выходные. В обязанности Исаака и Бобби входило брать эти облатки и раздавать их по порциям, но служба закончилась раньше, чем они были использованы.

"Бедная женщина", - посетовала Ванесса, и все кивнули.

"Ты был очень храбрым, Бобби", - сказала Катрина. Они оба прислонились к стене, он был на голову выше ее, ее цветущее тело было более извилистым, чем его худое. Выражение ее лица было похоже на восхищение. "Я бы закричал во весь голос".

Исаак, прислонившийся к стене с противоположной стороны от Катрины, бросил на Бобби еще один презрительный взгляд. Ванесса заметила разочарованное выражение лица Исаака и поспешила его успокоить. "Ты тоже был храбрым, Исаак", - укорила она, встав рядом с мальчиком, притянула его голову к своей груди - большой и круглой, даже обтянутой скромным церковным платьем, - и погладила его по волосам. Но он не был храбрым... и все они это знали. Даже Исаак знал это. Следы его слез все еще оставались на его щеках в виде двойных полос влаги. И тот факт, что Бобби выгодно отличался от него в этой области самообладания, вызывал у мальчика зависть. Исаак решил, что новый брат ему не нравится.

Катрина бросила на мать взгляд, почти закатив глаза, как бы говоря, что Исаак - такой маменькин сынок-плакса, а потом протянула руку и взяла Бобби за руку. Ванесса вернула взгляд, как бы говоря: я знаю, но что поделать.

"Мы не должны тратить время на Вечерю Господню", - вдруг сказал Бобби, его голос звучал в комнате ровно и без перегибов. "Мы можем хотя бы провести церемонию здесь, всей семьей". Он отошел от стены и сделал два шага к столу, собирая облатки. Здесь же стояли большие кувшины с виноградным соком; обычно прихожане выпивали по два-три таких кувшина, даже по одному глотку.

"Ну, Бобби, обычно твой отец..." начала Ванесса, чувствуя покалывание при мысли о том, что это нехарактерно для мальчика.

"Я могу это сделать", - сказал Бобби.

Исаак заговорил с раздражением. "Только священник может совершать евхаристию", - сказал он, перекрестившись. "Папа мне говорил. Все равно это глупо!" В его голосе появились ноющие нотки, которые заставили Ванессу вздрогнуть и отпустить его. То, как Исаак решал проблемы, и то, как их решал Бобби, были совершенно разными, и она не могла не восхищаться Бобби за это.

"Исаак, перестань быть придурком!" выругалась Катрина.

"Благословить и освятить евхаристию может только рукоположенный священник", - сказал Бобби, протягивая каждую руку: две хлебные облатки в левой и одну в правой. "Но папа уже делал это перед службой. Теперь это может сделать каждый".

Рот Катрины превратился в улыбку. "Ого! Ты знаешь свое дело, да?" - сказала она.

Исаак нахмурился и закатил глаза. "Мам, это глупо! Давай просто подождем папу..."

"Все в порядке, Исаак", - ответила его мать. "Если ты не хочешь этого делать... не делай. Но я думаю, что мы с твоей сестрой не против, не так ли?" Две женщины из семьи Стерлинг посмотрели друг на друга и понимающе кивнули, как будто у них внутри было общее покалывающее чувство, чувство, что новый член семьи - это нечто особенное.

"Встаньте на колени", - сказал Бобби. "Откройте рты и примите этот дар".

В воздухе витала странная энергия. И 35-летняя Ванесса, и 13-летняя Катрина, их тела были похожи друг на друга, одно - готовый продукт, другое - находящееся в процессе работы, копны великолепных темных волос рассыпались по их стройным плечам и спинам. Две пары туфель на каблуках торчали у них из-под ног, когда они стояли на коленях перед Бобби.

Исаак наблюдал со стены за тем, как Бобби говорит. "Это мое тело, - сказал черноволосый мальчик, - прими его в память обо мне". Ванесса открыла рот еще шире и высунула длинный, розовый, проворный язык так, что он непристойно свисал над нижней губой, демонстрируя ослепительно белые зубы. Катрина сделала то же самое. Они так широко раскрыли челюсти, что казалось, они вот-вот сломаются, а то, как они вытягивали языки, было преувеличено. На их лицах было выражение восторженной радости. Исаак моргнул, как будто наблюдал иллюзию или сон. Это не выглядело реальным.

"Уааагх..." Ванесса застонала, как женщина, говорящая "аааааа!", когда врач отжимает язык. Звук был звериный и тупой, такой звук издает больной, а в сочетании с высунутым языком он был пугающим. Катрина подражала ему, искажая свои великолепные молодые черты лица в подражание растянутому рту и виляющему языку. Она тоже издавала противные стонущие звуки - уааааааааааааааааа, ууууугх!

Бобби вложил облатки в их рты - одну левой рукой, другую правой, и Ванесса с Катриной застонали, прижимая его пальцы к своим языкам, обхватывая губами его большие пальцы и высасывая с них тонкие облатки... издавая при этом поглощающие звуки, как будто они смаковали вкусную еду, а не совершали божественное таинство. Исаак и Бобби обменялись взглядами: первый - испуганным, второй - знающим и ухмыляющимся.

"Остановись, - прошептал Исаак, испугавшись даже повысить голос. Ванесса начала сосать пальцы Бобби, сначала большой, потом еще один, и Катрина последовала ее примеру. Они издавали чавкающие, хлюпающие звуки, облизывая его указательные и большие пальцы,

обхватывая их губами и растягивая щеки при сосании... слрр!

"Глрг!" Ванесса застонала, и Исаак увидел, что у нее действительно текут слюни: она держала во рту четыре пальца Бобби, и слюни текли по ее подбородку, как у ребенка, нуждающегося в слюнявчике. Когда Бобби с влажным звуком убрал руки, изо рта обеих самок полетела слюна, и они, как слюнявые свиноматки, держали свои пухлые губы со стеклянными глазами открытыми, облизывая языками губы, смазанные слюной! Как будто на них было наложено какое-то заклятие! Исаак не мог понять, что он видит, но он знал, что это неправильно, что это мерзко, а Бобби, похоже, было все равно. Казалось, он этого ждал.

"Остановись!" снова сказал Исаак... но его слова по-прежнему не имели силы. Они вылетали из его дрожащего рта такими же слабыми, как и его мужество. Его мама и сестра продолжали делать такие же противные лица, и Бобби отвернулся к столу, приготовившись к тому, что им придется недолго похрюкать и подышать. Их спины, казалось, слегка выгнулись и выпятили ягодицы, образуя под тканью платьев длиной до колен большие лунообразные фигуры. Исаак почувствовал покалывание в своих гениталиях, но это было странно и неприятно.

"Это мой дух", - сказал Бобби и обернулся, держа в руках два маленьких стаканчика - едва ли больше рюмки. Это были сосуды, из которых пили виноградный сок для евхаристии - после каждого глотка Исаак должен был вытирать ободок тряпочкой, чтобы подготовить его для следующего верующего, - но их содержимое было слишком светлого цвета, чтобы быть виноградным соком. Стаканы были до краев набиты чем-то густым, комковатым и белым.

Нет, подумал Исаак. Нет, нет, нет, нет. Чем он их кормит? Это все неправильно! Но он так и остался сидеть на стене, не веря в то, что видит.

"Выпейте это в память обо мне", - сказал Бобби и протянул по одному бокалу каждой женщине. Они не столько выпили, сколько погрузили свои длинные языки в стаканы и принялись оправлять их, вытаскивая жирные глотки белой субстанции с пустым выражением лица. У Исаака забурчало в животе, когда он увидел, как из носа матери на верхнюю губу потекла прозрачная сопля, которую она всасывала в себя. Она целовалась со стаканом с мерзкой жижей, а ее глаза были закатаны, словно она, как и несчастная мисс Карлайл, была жертвой припадка. Она издавала звуки, похожие на животные - нун, глллч, хнннн, сллрррр!

Катрина была еще хуже. Исаак помнил ее милой, улыбчивой "старшей сестрой", еще до того, как она в этом году начала наносить более темный макияж на глаза и осмелилась немного приподнять подолы, но, принимая "причастие" от Бобби, она выглядела как свинья. У нее, как и у ее матери, текли слюни. Исаак наблюдал, как длинная липкая прядь белого вещества почти соскользнула с ее лица, но она схватила ее, вытянула, как червяка, и бросила в рот. Затем они с Ванессой принялись жевать, делая преувеличенные, мертвенно-бледные жевательные движения с булькающими звуками жидкости, надувая щеки, а затем открыли рты и действительно прополоскали их, пуская пузырьки по углам, а затем закрыли и проглотили.

Бобби наблюдал за всем этим, не двигаясь, не разговаривая, а только глядя на них с непримиримым удовлетворением. Постепенно женщины, казалось, приходили в себя, прижимая руки к упругим животам и вытирая рты. "О, Боже", - стонала Ванесса. "Я... меня охватил дух!"

"Меня тоже, мама! Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного!" добавила Катрина, и вид у них был измученный, усталый, как у двух женщин, по телам которых прошел сильный электрический разряд, исчезнувший так же быстро, как и появился. Однако в их глазах был и понимающий взгляд. Они видели множество людей, которых захватывал "дух", и в глубине

души понимали, что это всего лишь спектакль - выражение веры. Они оба чувствовали, что их действительно захватило что-то... сильное. Для Катрины это было впервые. Она представила себе, что это был секс с мальчиком. Как трепетал ее живот, как ее рот лизал и сосал руку Бобби, словно это было в порядке вещей. Это было что-то новое, взрослое, волнующее и похожее на темную тайну, которую она хотела раскрыть.

Для Ванессы это было не в первый раз. Она узнала это чувство. Это было то самое странное влечение, которое овладело ею утром, когда она откинула простыни Бобби и увидела их полностью пропитанными спермой. Боже, что она наделала? Да еще на глазах у Исаака...

Она поднялась на ноги и вытерла рот. Катрина тоже поднялась. "Нам надо вытереть лица", - предложила Ванесса. Они взяли со стола салфетки и занялись этим, а Бобби посмотрел на Исаака. Когда они встретились взглядами, Бобби взял последнюю облатку Вечери Господней, подбросил ее в воздух без усилий, как монету, и поймал во рту, проглотив ее самым легкомысленным, нерелигиозным образом.

Затем Бобби подмигнул.

Только тогда Исаака отпустил паралич. Мальчик сделал единственное, что позволил ему испуганный разум. Он побежал к выходу, который вел обратно в церковь, прорвался через него и пошел дальше.

Позже, после угрюмой поездки домой, Катрина спросила, можно ли ей пройти шесть кварталов вниз, чтобы поесть китайской еды во Дворце Дракона. Кэл, сидя на диване в гостиной, едва слышно пробормотал согласие. Он уже прикидывал, что будет говорить на службе на следующий день. Он будет восхвалять мисс Карлайл - это было необходимо - и думал о том, что, возможно, если он вызовет в себе достаточную экзальтацию и пыл, ему удастся вернуть часть вкладов, которые он потерял из-за ее смерти. Он едва заметил, как Бобби сказал, что тоже пойдет, и совсем не обратил внимания на то, что Исаак с момента церковной службы был молчалив и вял.

Забота об Исааке всегда ложилась на плечи Ванессы. В мальчике было много стремления Кэла к процветанию, но меньше воли; из-за этого они иногда сталкивались лбами. Когда это случалось, его всегда утешала Ванесса. Она была заботливой женщиной, очень внимательной к своим детям, готовой обнять, приласкать и успокоить, и Кэл иногда думал, что Исааку нужно больше жесткой любви. Ему казалось, что он играет роль трудного родителя, а Ванесса - "хорошего полицейского", всегда готового сказать напутственное слово, когда он мог повысить голос или проявить недовольство. Однако в том, что произошло в тот день, Исаак не был виноват. Может быть, его биологический сын был немного нерешительным, немного застенчивым, чтобы быть хорошим оратором, немного хрупким, чтобы быть внушительным физически... но в деле об убийстве мисс Карлайл он был всего лишь сторонним наблюдателем.

А вот Бобби... Бобби был в центре внимания. Он поднял голову, когда Бобби и Катрина стояли у входной двери, готовясь спуститься с холма, пересечь улицу и пройти еще четыре квартала до окраины города. До Дворца Дракона он разрешил им гулять одним, но не дальше - таково было правило. Не дальше центра города, и только при дневном свете. А поскольку солнце только начинало багроветь на горизонте, дневного света оставалось еще несколько часов.

Кэл увидел, что Катрин (да и Бобби тоже) даже не удосужились спросить Исаака, не хочет ли

он поесть или прогуляться с ними, и почувствовал прилив гнева и на дочь. Она уже переоделась из церковного платья в джинсовые шорты и блузку на тонких бретельках; он мог бы возразить, что это слишком рискованно, но не хотел спорить. Она была в туфлях, но ее ноги были достаточно длинными и стройными, чтобы привлекать внимание.

"Мы вернемся до темноты", - сказала она ему и открыла входную дверь. Бобби был по-прежнему в черном костюме, пиджак перекинут через одно узкое плечо. Он выглядел беззаботным, как птица, чем снова вызвал недовольство Кэла. Он дал крышу над головой этому сироте, и первое, что сделал мальчик, - убил его прихожанина.

Это просто смешно, подумал он, встревоженный тем, куда забрели его мысли. Он ничего не сделал. Он всего лишь мальчик. Но тут он вспомнил о магнитах на холодильник, на которых было написано SIC LUCEAT LUX, и о том, как Бобби без труда перевел эту фразу на латынь. Что-то было в этой фразе, от чего у него по коже поползли мурашки. Так пусть светит свет. Обычно этот образ ассоциировался у него с небесной славой Бога... но по какой-то причине в данном случае он этого сделать не мог. Вместо этого он почувствовал себя как разоблачающий, прощупывающий, вкрадчивый свет. Ослепительный свет, сверкающий на золотом тельце идолопоклонника.

Он закрыл глаза и вздохнул. Проповедь. Ему нужно было придумать проповедь. Что-то достаточно пламенное, чтобы паства забыла о том, что произошло накануне. Он откинул голову на спинку дивана и принялся за мозговой штурм, перестав думать о Бобби и Катрине.

"Он мне не нравится, мама, - говорил Исаак низким шепотом, захлебываясь слезами. "Он мне не нравится, и я хочу, чтобы он ушел".

Они лежали на кровати Исаака, обнявшись, как он любил - он свернулся в позу "фета", а мама обхватила его, как две сцепленные ложки. Она заметила его угрюмость и беспокойство и пришла к нему, и теперь он впервые выплеснул свои переживания. Бобби, по его словам, казался всезнайкой и чудаком, эти понятия были достаточно просты. Но его юный, 11-летний словарный запас не позволял точно сформулировать, в чем его главная проблема с Бобби - он считал, что Бобби лжет. Не лжет словами, но обманывает всех в семье - Ванессу, Катрину, Кэла - всех кроме Исаака.

Каким образом обманывает? С какой целью? Он не мог объяснить. Он просто знал, что Бобби - придурок, и если его мама этого не понимает, значит, он ее обманывает. Он пытался объяснить это, лежа на боку, когда она обнимала его за талию, а ее большая грудь прижималась к его спине так, что он втайне наслаждался. "Катрина думает, что он такой замечательный", - жаловался Исаак. "Я не знаю, почему он ей нравится". Исаак и Катрина враждовали с тех пор, как Катрина начала немного бунтовать против правил их отца - носить более откровенную одежду, потреблять более рискованную, нехристианскую прессу (когда ей это сходило с рук). Исаак, которому очень хотелось получить одобрение Кэла, постоянно доносил на нее, что привело к разрыву между ними, который до сих пор остается болезненным. "Наверное, она любезничает с ним только для того, чтобы отомстить мне", - подумал он вслух.

"О, Исаак... Бобби - твой брат", - прошептала его мама. "Он член нашей семьи. Он не твой враг. Я уверена, что ты ему нравишься, и ты понравишься ему еще больше, когда он узнает тебя получше".

"Я не хочу с ним общаться", - надулся Исаак. "Он жуткий".

"Не говори так, это очень подло - называть кого-то..."

"Это правда!" Исаак застонал, повысив голос. "Вы оба вели себя странно на Вечере Господней из-за него! Почему? Потому что вы думали, что ему это понравится?" Он почувствовал, как сердце матери забилось, когда он заговорил об этом событии, а ее хватка инстинктивно сжалась в объятиях.

"Мы были просто... ошеломлены, Исаак. Мы были наполнены Святым Духом". Она знала, что это, по крайней мере, частично ложь - теперь она знала, что ее настигло, и, хотя она ненавидела лгать, она знала, что не может сказать правду. Вместо этого она наклонилась и поцеловала Исаака в шею. "Я люблю вас обоих. Бобби не может заставить меня любить вас меньше. И ты знаешь, что твой отец чувствует то же самое. Бобби просто другой, чем ты.Ты все еще тот, кому он доверяет, тот, кто возьмет на себя управление церковью, когда он уйдет на пенсию".

Это, по крайней мере, показалось Исааку немного бодрым. Он понимал, что церковь - это спектакль, способ заработать на жизнь. Под руководством отца он научился воспринимать духовную жажду как потребность, которую можно использовать для комфортной жизни. "Правда?" - спросил он.

"Правда", - ответила Ванесса. "Перекрестись". Она обняла его, и Исаак почувствовал, как к его спине снова прижалась эта большая, замечательная грудь, а также ее духи. Его первый сексуальный опыт был экспериментальной, нервной мастурбацией с этой самой грудью. Он только начинал свой путь к самоудовлетворению, но, в общем, обнаружил, что для того, чтобы действительно получить ответную реакцию, ему нужно думать об определенных вещах. Больше всего ему нравилось думать о красивых девушках, которые приходили в церковь, становились на колени, чтобы получить благословение, и чувствовали себя такими счастливыми от того, что получили Божье прощение. Он думал о том, сможет ли он, став пастором, заставить их делать... что-то. (На ранних этапах он едва мог представить себе, что это могут быть за вещи - но он знал, что хочет нравиться людям, а особенно девушкам). Возможно, Исаак чувствовал бы себя виноватым в этих порывах, но то, как его отец относился к верующим - как к ряду записей в бухгалтерской книге, - делало этих золотоволосых молодых женщин с их покаянными коленями в юбках, закрытыми глазами и покорным ожиданием отпущения грехов... менее человечными. Едва ли реальными.

С Бобби все было наоборот. Он казался очень реальным, и все, что он делал, оказывало влияние на Исаака. Он не мог признаться себе в этом, но отчасти причина его неприязни к Бобби заключалась в том, что этот ловкий черноволосый парень с его уверенностью в себе часто заставлял Исаака выглядеть слабым болваном по сравнению с ним. В тот день в церкви Исаак запаниковал. Бобби даже не вспотел.

"Он что-то скрывает," подумал Исаак. "Он странный. Он не подходит для этой семьи, и я собираюсь это доказать". Он не знал, в какой форме будут представлены доказательства. Может быть, он найдет порнографические журналы или застанет его за скачиванием порнографических видео на семейном компьютере. Он может поймать его на курении сигарет или еще более худших вещах, или на общении с плохими детьми из детского дома. Он мог поймать его на воровстве, сквернословии или богохульстве. Он не знал, как это сделать, но в конце концов Бобби проговорится, и папа с мамой увидят в новеньком того, кем он был.

Когда Ванесса похлопала его по плечу и сказала, что надо держаться, что все наладится, и они

с Бобби станут лучшими друзьями, Исаак выдохнул и сказал ей то, что она хотела услышать. "Хорошо", - сказал он. Исаак поднялся с кровати и вышел из комнаты... Исаак сел и, приподнявшись на кровати, посмотрел в окно, выходящее на внешнюю стену комнаты. Солнце только начинало садиться, а по холму в сторону центра города шли две фигуры - Бобби и Катрина.

"Что они сейчас делают?" - пронеслось у него в голове.

Он понаблюдал за ними еще несколько секунд, а потом решил проследить за ними и выяснить.

*Политика сайта запрещает упоминать половые связи людей не достиших возраста согласия - 16 лет, поэтому во всем тексте возраст будет изменён до 18 лет. Бобби - 11, Катрина - 13.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/4046/111015